

О «ЛОГИКЕ ДЛЯ ФИЛОСОФОВ»¹

О "LOGIC FOR PHILOSOPHERS"

Петр Сергеевич Куслий – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.
E-mail: kusliy@yandex.ru

Petr Kusliy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences).

(Рецензия на книгу: *Томова Н.Е., Шалак В.И. Введение в логику для философов. М., 2014.*)

(Review of: *Tomova N., Shalack V. Vvedenie v logiku dlya filosofov (Introduction to logic for philosophers). M., 2014.*)

Логика стандартно считается одной из центральных философских дисциплин и всегда входит в список обязательных курсов любого философского

факультета. Однако на деле, как хорошо известно тем, кто ее преподает именно на философском факультете, это вовсе не означает, что знакомство с логикой и использование логического знания в работе рассматриваются как нечто необходимое многими студентами. Причина этого – испытываемая студентами неуверенность и восприятие логики как обособленной дисциплины, никак не связанной с их исследовательскими интересами и, главное, не способной им помочь в их профессиональном становлении. В результате мы имеем ситуацию, когда значимость логики официально декларируется, но реально эта дисциплина игнорируется. Зачастую создается впечатление, что в восприятии большинства современных российских студентов-философов курс логики – это то неизбежное зло, которое навязывается им профессиональным сообществом и которое надо просто «перетерпеть», сдав соответствующий экзамен, обеспечив себе при этом не более чем еще один формальный аспект профессиональной легитимации.

Данное положение дел можно оценивать как неудовлетворительное и сетовать на нерадивость современного

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 12-06-00386а.

студенчества. Можно говорить о необходимости увеличения количества часов, отводимых для курса логического цикла, или о повышении уровня строгости при выставлении оценок на экзамене по курсу логики. Однако все эти доводы, которые можно нередко слышать в цехе преподавателей логики, апеллируют к «внешним» причинам существующего положения дел. Авторы же рецензируемой книги ставят вопрос иначе: а что можем сделать мы, логики и философы, для того чтобы исправить ситуацию, но не за счет количественных, а за счет качественных изменений? И такую постановку вопроса можно только приветствовать.

Как становится ясно уже из предисловия, авторы предлагают отказаться от видения логики как дисциплины, чья релевантность для философов должна быть самоочевидной. Авторы пишут: «С нашей точки зрения, студенты-философы – это совершенно особая категория студентов, которая нуждается в учете ее специфики. Философу недостаточно узнать, что есть такая наука – логика. Для него важно получить ответ на вопрос, как она возникла, почему возникла необходимость в появлении этой науки, каковы ее связи с философией? Решить эту задачу можно, если пригласить студента к совместному с преподавателем построению логики. Иными словами, логика должна излагаться не как данная застывшая наука, а генетически, как естественным образом возникающая в ходе человеческой познавательной деятельности» (С. 4).

Именно попытка авторов выстроить такую философско-ориентированную перспективу логики и

отличает данный учебник от многих других, в которых, как указывают сами авторы, логика либо «излагается максимально подробно, с большим числом поясняющих примеров и задач для самостоятельного выполнения», либо «в занимательной форме с многочисленными занимательными приложениями из повседневной жизни» (Там же). Здесь, по-видимому, можно вспомнить и про философско-ориентированные учебники логики, в которых излагается логический аппарат, используемый в отдельных направлениях аналитической философии или философии науки (см., например: [Sider, 2010]). Но рецензируемый учебник – это именно введение в логику для студентов-философов, которые еще не выбрали конкретного направления специализации, а скорее, руководствуясь общей тягой к философии, только начинают свое знакомство с этой областью знания. И именно особая ориентированность данного учебника делает его, вопреки распространенным стереотипам, «простым с точки зрения излагаемого материала, но сложным с точки зрения способа изложения» (Там же).

Специфика учебника выражается в том, что немалая его часть посвящена пассажирам философско-методологического или историко-генетического характера. При этом книга содержит базовый набор стандартных для введения в логику тем, включающий в себя и учение о понятиях, и силлогистику, и введение в логику высказываний с ее аксиоматическим построением, введением в теорию натурального вывода и даже в основания математической теории множеств. В целом учебник состоит из

12 глав (или тем, как их называют авторы), в конце каждой из которых даны упражнения как для общего, так и для специального логического тренинга.

Задачи логики, способы их решения, а также польза от логики авторы стремятся представить в свете проблем, релевантных для философского мышления. Здесь затрагиваются вопросы онтологии и существования (специфика теоретико-множественной онтологии), исследуется неразрывная связь логики и языка, которая, по словам авторов, обуславливает «удвоение предметов и явлений окружающего мира» (С. 6). Логика представлена как неразрывно связанная с вопросами познания, причем не только в стандартных смыслах гарантированного получения истинных следствий из истинных посылок или так называемых парадоксов познания, но и с вопросами законов природы: способами их формулировки и роли внутри системы научного знания. Логика также обсуждается в ее связи с другими важными для философии дисциплинами: теорией аргументации, риторикой, психологией. Все это обсуждение, на мой взгляд, весьма удачно вписывает логику в круг проблем, изначально интересующих студентов-философов.

Более того, авторы излагают материал, погружая повествование в контекст тех этапов развития человеческой мысли, с которыми связано возникновение и развитие соответствующих тем. Так, само зарождение логики и прямая потребность в ней обсуждаются на материале вопросов, которые ставили перед собой философы-досократики. Лежащее в основе логического мышления стремление к

обобщению и объяснению максимального числа явлений через выведение их из минимального числа принципов обсуждается в контексте идей Фалеса, Парменида и их последователей. Мировоззренческое значение логики, в частности, иллюстрируется на примере доказанного существования неразрешимых проблем, которые в свою очередь напрямую связываются с апориями Зенона. Зарождение логики Аристотеля представляется не только как построение новой науки со своим предметом и методом исследования, но и как следствие общефилософских расхождений во взглядах Аристотеля и Платона. Наконец, логика высказываний представлена не просто как «следующая тема» после учения о силлогизмах, а в контексте философской идеологии школы стоиков.

В изложении целого ряда тем авторами используются цитаты классиков логико-математической мысли (таких, например, как Г. Кантор), лингвистов (Ч. Моррис) и философов (Ч.С. Пирс). (В случае с Пирсом, правда, количество приводимых цитат кажется несколько чрезмерным.) Вообще же одним из главных, на мой взгляд, положительных аспектов, выделяющих этот учебник на фоне многих других, является то внимание, которое авторы уделяют природе языка как знаковой системы, его роли в жизни людей и его связи с логикой. Обсуждению языка посвящена отдельная (вторая) глава «Введение в теорию знаков», а также многочисленные пассажи в других главах.

Сказав о преимуществах этого учебника, хочется сказать и о тех его аспектах, которые, на мой

взгляд, можно рассматривать как недостатки. При этом я попытаюсь руководствоваться сформулированным самими авторами приглашением к конструктивной критике, нацеленной на возможную доработку книги для будущих изданий.

Авторам, возможно, следует четче определиться с тем, является ли эта книга учебником, как они указывают в одних местах, или все же пособием, как они пишут в других. Книга как учебник (коим она является в гораздо большей степени, чем пособием) претендует на последовательное и достаточно полное изложение базовых проблем вводного курса для специально-ориентированной аудитории, но как пособие не содержит в обязательном порядке, скажем, авторских определений ряда центральных понятий. Например, для определения таких терминов, как «логика», «понятие», «логика высказываний», авторы просто приводят цитаты из [Бочаров, Маркин, 1994, 2011] и [Брюшинкин, 1996]. Поскольку в целом ряде глав библиографический список ограничивается упоминанием именно этих изданий, создается впечатление, что упомянутые главы представляют собой просто авторское изложение соответствующих разделов указанных учебников, выработанное ими в процессе чтения лекций по данным учебникам. Если это все же самостоятельный учебник, а не пособие, то было бы весьма желательно, чтобы среди рекомендованной литературы учебники [Бочаров, Маркин, 1994, 2011] не играли столь доминирующей роли. Во-первых, это незаслуженно создает впечатление

вторичности рецензируемого учебника по отношению к упомянутым изданиям, а во-вторых, некритическое следование за этими учебниками не всегда представляется в полной мере оправданным.

Так, использованное авторами определение логики представляет ее как «нормативную науку о формах и приемах интеллектуальной познавательной деятельности, осуществляемой с помощью языка» (С. 20), т.е. как науку о том, «как мы должны мыслить, если хотим достичь цели познавательного процесса» (Там же). Уж сколько копий было сломано в борьбе против психологизма, присущего неокантианскому определению логики как науки о правильном мышлении, восходящему у нас к концепциям отечественных логиков XIX–XX вв. и как минимум к известному учебнику Г.И. Челпанова²! Авторы и сами указывают на то, что логика не рассматривается ими как часть психологии (С. 23), однако делают выбор не в пользу своего определения логики в терминах мышления или, точнее, «интеллектуальной деятельности», одновременно пытаясь отмежеваться от ее психологического понимания. На мой взгляд, это очень похоже на попытку занять две несовместимые позиции. Если логика не часть психологии, а изучение аспектов мышления связано именно с последней, то упоминание мышления при определении логики является как минимум избыточным. Тем более что существует целая традиция определения логики без упоминания мышления вообще. Речь идет об определении логики как науки

² См. переиздание: [Челпанов, 1994].

об обоснованном выводе, т.е. о структуре суждений и объективном отношении следования, существующем между суждениями³.

Заканчивая тему психологизма, отметим и то, что гл. 5 («Теория понятий») воспроизводит стандартное учение о понятиях как видах *мысли*, их классификации и определениях над ними. Остается не вполне понятно, каким образом содержание этой главы согласуется со всей той идеологией о языке как знаковой системе, неотъемлемо связанной с природой символической логики, которая столь убедительно изложена в начальных главах учебника.

Далее хотелось бы обратить внимание авторов на проблематичность формулируемых ими определений ключевых терминов логической семантики: «предложение», «суждение», «высказывание». Определение предложения как «знаковой формы для передачи некоторой информации или мысли» (С. 100) не содержит упоминания о связи предложения с истиной и ложью, которые в логической семантике стандартно считаются денотатами предложений. Суждение определяется как «мысль/смысл/мыслимое содержание, которое сопоставлено предложению и не зависит от конкретной знаковой формы» (Там же). При этом, как пишут авторы, «в суждении мы утверждаем или отрицаем наличие свойств или отношений между предметами» (Там же). Здесь, как кажется,

имеет место выражение с помощью одного термина «суждение» двух смыслов, которые в семантике обычно принято различать: объективного содержания предложения и акта утверждения этого содержания, например посредством произнесения соответствующего предложения. Создается ощущение, что авторы хоть сами и не путают этих двух смыслов, тем не менее становятся заложниками своей неудачно выбранной терминологии, ибо здесь же пишут: «Мысль, выраженная в суждении, соответствует или не соответствует тому, что имеет место на самом деле» (С. 100–101). Но если мысль и суждение – одно и то же, то как тогда последнее может выражать первую? Или иначе: если предложение (или его произнесение) не то же, что и суждение, то как тогда суждение может «выражать» мысль?

Высказывание определяется авторами как «суждение вместе с сопоставленным ему истинностным значением» (С. 101). Высказывания, как поясняют авторы, нужны, чтобы учесть то обстоятельство, что «одному и тому же суждению в разное время в разных ситуациях могут быть сопоставлены разные истинностные значения» (Там же). Но сразу же в следующем предложении авторы пишут о сопоставлении уже не суждения, а высказывания со значениями «истина» и значением «ложь». Более того, мы (Там же) встречаем обсуждение предложе-

³ Более подробное обсуждение этого вопроса см. в классическом учебнике по логике [Cohen, Nagel, 1934] (русский перевод: [Коэн, Нагель, 2010]), в частности в гл. I, II, VI. Я здесь использую термин «суждение» в том общем смысле, в котором он традиционно употребляется в отечественных учебниках по логике и в том смысле, в котором его употребляют сами авторы. Эта терминология, однако, не всегда оказывается удачной (см. мою критику ниже в настоящей рецензии, а также обсуждение этого вопроса в [Куслий, 2010] и критику этого обсуждения в [Шрамко, 2012]).

ния «Сократ – философ», в котором высказывание уже понимается как некое утверждение (т.е. второй смысл термина «суждение»).

Получается, что термины, вводимые для установления ключевых семантических различий, начинают использоваться как взаимозаменяемые. Все это сильно дезориентирует, а потому, как мне представляется, требует значительной переработки. И если бы авторы согласились на такую переработку для будущих изданий учебника, то я бы им порекомендовал не изменять столь удачно использованному ими способу представления новых тем в контексте работ классиков и представить все указанные и некоторые другие различия с непосредственной опорой на работы Г. Фреге (в переводе Б.В. Бирюкова). Такие работы, как «Исчисление понятий», «О смысле и значении», «Мысль. Логическое исследование», «Функция и понятие»⁴, содержат всю терминологию и все необходимые определения, пояснения и иллюстративные примеры, которые могут потребоваться для обстоятельного и при этом наглядного введения в основания логической семантики.

Хотелось бы также обратить внимание на некоторые затруднения, возникшие у меня при ознакомлении с тем, как авторы обсуждают единичные термины в гл. 4 («Язык логики»). Концепция имен, представленная в учебнике, напоминает по ряду аспектов классиче-

скую и считающуюся отправной для логической семантики концепцию имен Дж.С. Милля⁵. Именами в предлагаемой авторами концепции могут быть обозначения индивидных и абстрактных объектов, событий и других объектов, понимаемых в самом общем фрегевском смысле слова «объект»⁶. Но если так, то почему бы авторам не представить теорию имен в свойственном им стиле с непосредственной опорой на Милля? Это, как кажется, смогло бы поспособствовать и более удачной классификации имен, чем та, которая использована авторами. Так, авторы делят имена на простые и сложные: простые «не содержат какой-либо информации об обозначаемых ими объектах, являясь как бы метками этих объектов», а сложные «не только обозначают предмет, но и указывают на некоторые его характеристики» (С. 97). Простым и ставшим уже классическим контрпримером подобным определениям может быть имя «Священная Римская империя», которое содержит указание на ряд характеристик, а потому должно быть признано сложным, однако обозначаемый этим именем объект не был ни священным, ни римским и не империей. И наоборот: нередко бывает, что имена собственные, будучи ярлыками, т.е. простыми именами, несут в себе обозначение характеристик предметов⁷. Концепция Милля, сформулированная еще в середине XIX в., способна справ-

⁴ Все входят в сборник [Фреге, 2000].

⁵ См. гл. 2 в [Mill, 1886] (русский перевод: [Милль, 2011]).

⁶ Хотя это все же не фрегевская концепция именования: в списке возможных денотатов имен истинностные значения не значатся (а предложения соответственно не рассматриваются в качестве имен истинностных значений).

⁷ См. обсуждение слова «God» наряду с «Holy Roman Empire» в [Searle, 1958].

ляться с многими подобными выражениями.

Обращает на себя внимание и то, что, говоря о важности языка для логики, познания и коммуникации, авторы не дают определения или более или менее точного пояснения того, что именно они имеют в виду, когда говорят о языке. Стандартное обсуждение формализованных и естественных языков (хотя бы такое, как представлено в § 3 первой главы [Смирнова, 1996]) в учебнике отсутствует. В результате «языком» здесь обозначается и то, чем «пользовались люди с древнейших времен» (С. 11), но также и то, что используется логиками для описания онтологии теории множеств (С. 137).

Прояснение вопроса о соотношении естественных и искусственных языков способствовало бы прояснению многих других тем, затрагиваемых в учебнике. Во-первых, речь идет об упоминаемом соотношении предметных функторов и естественно-языковых определенных дескрипций. Последние представлены в учебнике в виде естественно-языковых эквивалентов первых, когда те применены к своим аргументам (С. 97–98), хотя вопрос о существовании фразовых аналогов для предметных функторов в естественном языке не так уж прост и однозначен, равно как неоднозначен и вопрос о семантике естественно-языковых определенных дескрипций⁸. Во-вторых, прояснение указанного вопроса дало бы возможность более четко обозначить используемую авторами запись: здесь, например, «женат

(x, y)» (С. 99) рассматривается как предикатор, обозначающий множество пар женатых индивидов, но если так, то как тогда выразить предложение « x женат на y », где x обозначает контекстно релевантного индивида $g(x)$, а y – индивида $g(y)$ (где g – функция означивания для свободных индивидных переменных)? В-третьих, речь идет о прояснении природы кванторов, которые в данном учебнике рассматриваются как не входящие в состав логического субъекта предложения, тогда как квантор в естественном языке является элементом грамматического субъекта. Это, в-четвертых, в явном виде поставило бы необходимость исследовать вопрос о соотношении логической и грамматической форм предложений естественного языка, сыгравшем столь важную роль в развитии философии и логики начиная с конца XIX в.

Наличие в учебнике более подробного и обстоятельного обсуждения таких центральных логико-семантических понятий, как интерпретация, референция, смысл, значение, условия истинности, функциональный анализ, модель, модельная структура, существенно поспособствовало бы выявлению той связи, которая существует между логикой и языкознанием.

Все изложенное выше, разумеется, предполагает существенное увеличение объема учебника, а также, возможно, и переработку уже написанных глав. Однако, как мне представляется, такая переработка и связанное с ней погружение логики в проблематику фило-

⁸ Так, в [Russell, 1905] естественно-языковые определенные дескрипции рассматриваются как кванторы, а в [Strawson, 1950] – как пресуппозиционные единичные термины.

софии и языкознания добавили бы этому учебнику не только оригинальности, но и поспособствовали достижению той главной цели, которую ставили перед собой авторы – сделать курс логики более доступным для восприятия студентами-философами.

В заключение хочется еще раз поприветствовать появление этого учебника по логике для философов и пожелать ему долгой и успешной судьбы как в существующем ныне виде, так и в виде дальнейших переизданий.

Библиографический список

- Cohen, Nagel, 1934 – *Cohen M.R., Nagel E.* Introduction to Logic and Scientific Method. N.Y., 1934.
- Mill, 1886 – *Mill J.S.* System of Logic Ratiocinative and Inductive. L., 1886.
- Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. № 14. P. 479–493.
- Searle, 1958 – *Searle J.* Proper Names // *Mind*. New Series. 1958. Vol. 67, No. 266. P. 166–173.
- Sider, 2010 – *Sider T.* Logic for Philosophy. N.Y., 2010. Available at: <http://tedsider.org/books/lfp.html>
- Strawson, 1950 – *Strawson P.F.* On Referring // *Mind*. New Series. 1950. Vol. 59, No. 235. P. 320–344.
- Бочаров, Маркин, 1994 – *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Основы логики : учебник. М., 1994.
- Бочаров, Маркин, 2011 – *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Введение в логику : учебник. М., 2011.
- Брюшинкин, 1996 – *Брюшинкин В.Н.* Практический курс логики для гуманитариев : учеб. пособие. М., 1996.
- Коэн, Нагель, 2010 – *Коэн М.Р., Нагель Э.* Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010. Available at: <https://lib.rus.ec/b/414340/read> и <http://www.twirpx.com/file/548596/>.
- Куслий, 2010 – *Куслий П.С.* Предисловие переводчика // М.Р. Коэн, Э. Нагель. Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010. С. 11–27.
- Милль, 2011 – *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 2011.
- Смирнова, 1996 – *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. М., 1996.
- Томова, Шалак, 2014 – *Томова Н.Е., Шалак В.И.* Введение в логику для философов. М., 2014.
- Фреге, 2000 – *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000.
- Челпанов, 1994 – *Челпанов Г.И.* Учебник логики. М., 1994.
- Шрамко, 2012 – *Шрамко Я.В.* Рецензия на: *Коэн М., Нагель Э.* Введение в логику и научный метод ; пер. с англ. П.С. Куслия. Челябинск : Социум, 2010 // *Философские науки*. 2012. № 7. С. 127–135. Available at: http://kdpu.edu.ua/shramko/files/2012_Filosofskie_Nauki_Recenziya_Kohen_Nagel.pdf.